

Наследие

Понедельник 24 апреля 2023 №71/П (7516 с момента возобновления издания)

www.kommersant.ru/regions/78

14 Восстановление исторических объектов по-прежнему остается точечным и редким явлением	14 В 2023 году КГИОП направит на работы по сохранению объектов культурного наследия 1,8 млрд рублей	15 Продолжая традиции российской благотворительности, нынешние меценаты заметно расширили ее форматы
---	---	--

Высотные доминанты на плоском ландшафте Петербурга являются его характерной особенностью: они подчеркивают небесную линию и формируют открыточные виды Северной столицы. Исторически ими становились шпили и купола церквей, а сейчас в их числе — общественно-деловые постройки и даже жилые дома. Как доминанты влияют на городское пространство, а также почему важно прислушиваться к мнению горожан и объяснять им преимущества новых точек притяжения, выясняла Марина Ковалева.

Сшивка городской ткани

— доминанты —

Первым крупным европейским городом, который увидел Петр I во время великого посольства в 1697 году, была Рига, важным элементом силуэта которой был и остается шпиль базилики Святого Петра, самый высокий в Европе на тот момент. «Мне кажется, что сильное впечатление молодого царя от эстетических и технических возможностей европейской архитектуры легло в основу идеи построения градостроительной структуры будущей Северной столицы вокруг ее доминанты — шпиля Петропавловского собора», — объясняет Андрей Пунин, главный куратор профиля «Среда и интерьер» в Школе дизайна НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, старший преподаватель НИУ ВШЭ. Действительно, Петропавловский собор, расположенный на территории одноименной крепости, является одним из самых известных примеров подобных сооружений. Его высота вместе со шпилем достигает 122,5 м в высоту.

Исторически основными высотными доминантами большинства европейских городов служили купола и шпили церквей. Высотная доминанта должна упорядочивать городское пространство, организовать его вокруг себя, уточняет Кирилл Страхов, президент фонда развития городского самоуправления «1870». По словам Игоря Кокорева, заместителя регионального директора департамента консалтинга и аналитики NF Group, высотные доминанты могут определять силуэт города или отдельных районов, как высотки Нью-Йорка или Лондона, или замыкать перспективы значимых городских магистралей, как высотные здания делового района Дефанс в Париже.

«Классический пример — „петровский трезубец“ вокруг Адмиралтейства, определивший структуру центра города. Но в старом Петербурге перспективы даже небольших переулков нередко обращены к Исаакию или колокольне другого храма. Это виртуозная работа архитекторов прошлого по „сшивке“ городской ткани, созданию системы ориентиров, организации единого городского ландшафта», — рассуждает господин Страхов.

Помимо Адмиралтейства высотой 72 м, также здания Петровской эпохи, доминантами были храмы. Самый известный из них — Исаакиевский собор высотой 101,5 м — второй по высоте после Петропавловского. Далее — Смольный собор высотой 93,7 м, Спас на Крови (81 м), Троице-Измайловский собор (80 м) и Казанский собор (71,6 м). В рядовой исторической застройке города также присутствуют высотные доминанты: дом городских учреждений («Городской дом») со шпилем и красной башней, доходный дом Иоффа, дом Кейбеля, а также дом компании «Зингер».

Впрочем, за 300 лет многие духовные доминанты были утрачены, в большинстве случаев — снесены после революции. Среди таких примеров — Спас на Сенной, Благовещенская церковь на площади Труда, Покровская церковь на площади Тургенева.

Исторически основными высотными доминантами большинства европейских городов служили купола и шпили церквей

Новые ориентиры

Эксперты соглашаются, что Петербург — один из городов, живущих по своей, особенной логике развития. Так, например, в 1930-х годах планировалось строительство нескольких высотных доминант в новом центре города — в Московском районе, однако наиболее амбициозные и крупные объекты этого плана реализованы не были. Впрочем, нельзя говорить, что в советское время в городе не появлялось новых доминант — как минимум районного значения. «Можно вспомнить гостиницу „Советская“ (сейчас это „Азимут“) рядом с набережной Фонтанки. Или, например, башню ЦНИИ РТК в Калининском районе, которая 24 года, с 1985-го, удерживала статус самого высокого делового здания Петербурга», — напоминает Сергей Софонов, коммерческий директор ПК «ПСК».

По словам Екатерины Аридовой, генерального директора Nikoliers в Санкт-Петербурге, помимо неустойчивых грунтов, насыщенных подземными водами, в Петербурге довольно жесткие высотные регламенты, которые делают строительство высоких и тяжелых сооружений непростым, а иногда и невозможным. К тому же общественность жестко охраняет исторические панорамы — особенно серьезно за его соблюдением следят в историческом центре.

Активный, деятельный интерес горожан к происходящему в городе — очень хороший и здоровый признак, считают собеседники издания. «Мне как автору, реализовавшему некоторое количество масштабных проектов в области современного искусства в исторической городской среде, подчас приходится сталкиваться с неприятием жителей новых форм, внедряющихся в их привычное пространство обитания. И это нормально. Вместе с тем мы не должны превращать город в скопление

мертвых декораций к спектаклям из прошлых эпох, это было бы неправильным и неумажительным по отношению к нашему наследию», — уверен господин Пунин.

Несмотря на то, что Северная столица очень консервативна в этом вопросе, самое высокое здание в Европе появилось все-таки здесь: строительство «Лахта-центра» завершилось в 2018 году. «Наиболее существенным изменением небесной линии города стало появление „Лахта-центра“, который за счет своего масштаба виден в некоторых панорамах исторического центра города. Однако уже при приближении от центра города к „Лахта-центру“ возникает целая система вертикалей, куда входят и пилоны моста ЗСД через Малую Неву, и „Газпром Арена“, и новые флагштоки — на Крестовском острове и в парке 300-летия Санкт-Петербурга», — говорит господин Кокорев. По его мнению, для Петербурга формируется необычная довольно активная небесная линия, в которую могут войти два новых небоскреба «Лахта-центра» и, возможно, высотные здания перспективного «сити», который может получить развитие в Лахте.

Помимо «Лахта-центра», среди самых высоких зданий Северной столицы есть как общественно-деловые постройки, так и жилые дома. «Например, башня „Лидер“ и Fort Tower в Московском районе, „Санкт-Петербург Плаза“, развернутая на Малоохтинскую набережную, с центральным высотным объектом, неформально известным как „дом-чайник“, „Атлантик-Сити“ на северо-западе города, недалеко от парка 300-летия. Также можно назвать ЖК „Барселона“, „Бай Хаус“ или Golden City. Есть, конечно, и просто высотные рекорды, как, например, ЖК „Князь Александр Невский“, — рассказывает Сергей Софонов.

По словам госпожи Аридовой, многофункциональные комплексы с офисами, гостиницами, апартаментами на высоких этажах могут стать ядрами современных кварталов, делая город более полицентричным, формируя новые точки притяже-

ния и центры деловой активности. «Именно такой опыт мы видим в городах других стран с историческим центром», — подчеркивает она.

Хорошо забытое старое

Впрочем, в Петербурге есть и доминанты, которые не строят заново, а воссоздают, возвращая на историческое место. Представители архитектурного сообщества отмечают, что это позволяет заново выстраивать исторические и культурные связи, которые ранее были утрачены. Среди таких объектов — церковь Рождества Христова на Песках, церковь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость (с грошиками)» на проспекте Обуховской Обороны, а также колокольня Смольного монастыря по оригинальным чертежам Растрелли. Вместе с тем воссозданные доминанты не всегда получается расположить на их исторических местах. Так произошло с церковью иконы Смоленской Божьей Матери по проекту Кваренги. Поскольку на старом месте воссоздать ее было нельзя, теперь она стоит в Пулковке. При этом ее облик полностью соответствует сохранившимся архивным фотографиям.

Эксперты подчеркивают, что любые высотные доминанты, новые или воссозданные, — достаточно сложный архитектурный инструмент. Они вызывают массу споров, если нарушают привычные пейзажные виды города, однако при должной проработке проекта могут стать высотными архитектурными символами Северной столицы.

«Любой проект должен максимально гармонично вписываться в природный ландшафт территории. Нужно больше рассказывать горожанам о преимуществах проекта, о том, какие их личные потребности будут удовлетворены благодаря этому градостроительному решению, чем строительство будет полезно для города», — заключает Ася Левнева, директор департамента по маркетингу и продажам ЗАО «Балтийская жемчужина».

Магнит для туристов

— точки притяжения —

Одной из самых ярких тенденций последних лет является формирование в Петербурге единого культурного пространства с современными креативными кластерами и новыми точками притяжения. Наряду с имеющимися историческими доминантами и памятниками архитектуры, в городе создаются «магниты» для туристов и горожан. За счет них экономика города многократно обогащается, а петербуржцы получают доступ к более качественной городской среде.

Двигателем не только туристической отрасли, но и всей индустрии развлечений и экономики впечатлений является появление новых «магнитов», или так называемых точек притяжения. По словам Игоря Кокорева, заместителя регионального директора департамента консалтинга и аналитики NF Group, повышение туристического потока за счет создания интересного объекта получил название «Эффект Бильбао» в честь испанского города, который смог стать значимым туристическим центром после строительства здесь новых объектов, самым известным из которых является Музей Гугенхайма.

Примеры Дубая или Сингапура показывают, что можно стать крупным туристическим центром преимущественно за счет такого рода проектов, развивая постепенно целый комплекс разнообразных достопримечательностей. «В то же время для таких крупных городов и сформировавшихся туристических центров, как Санкт-Петербург, Москва, Париж, Лондон, Нью-Йорк, появление одной-двух новых достопримечательностей не приводит к резкому росту туристического потенциала и турпотоков. Однако новые объекты могут удачно встраиваться в обязательную программу посещения или топ достопримечательностей», — продолжает господин Кокорев.

Так, например, случилось в Нью-Йорке с комплексом зданий и сооружений Национального мемориала и Музея 11 сентября и нового комплекса WTC или парком Хайлайн. «Такими достопримечательностями становятся нередко и новые видовые точки на город — как, например, колесо обозрения London Eye или One World Observatory в Нью-Йорке. Парки и общественные пространства также могут попадать в топы — например, парк „Зарядье“ в Москве, Миллениум-парк в Чикаго или „Сады у залива“ в Сингапуре», — говорит эксперт.

По словам Юрия Швеца, доцента департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, туристические объекты создают рабочие места в сфере туризма, гостиничном и ресторанном бизнесе, индустрии развлечений. «Транспортные компании оказываются загружены. Горожане получают источник дохода, а город — дополнительные налоговые поступления», — отмечает господин Швец. Кроме того, новые туристические объекты и достопримечательности способствуют продвижению культурного и исторического наследия города, расширению туристической инфраструктуры и повышению ее качества. «В целом их создание может быть важным драйвером экономического роста крупных городов», — продолжает он.

В центре тренда

Денис Завазальский, коммерческий директор курорта «Охта Парк», напоминает, что результатом реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» должно стать увеличение к 2030 году количества поездок граждан внутри страны в два раза. «На фоне резкого сокращения туристического потока из-за рубежа в Петербурге все активнее начинает развиваться культурно-познавательный сегмент туризма, ориентированный на гостей из других регионов России», — добавляет Екатерина Аридова, генеральный директор Nikoliers в Санкт-Петербурге. Так, в городском комитете по развитию туризма ожидают, что за весь 2023 год город на Неве примет 8,1 млн туристов, а прирост общего турпотока составит 32%. При этом, согласно данным «Турбарометра Санкт-Петербурга», сегодня примерно две трети россиян, приезжающих в Петербург, — это люди в возрасте 18–44 лет.

Коммерсантъ Санкт-Петербург МЕРОПРИЯТИЯ/2023

май

- Право в эпоху суверенитета: как юристам помочь бизнесу, собственникам и государству?
- Business Woman: женщины в бизнесе
- Развитие производства в России: завод за один год

июнь

- Выездная налоговая проверка — 2023: «дорожная карта» для руководителя
- Развитие электронной коммерции и инфраструктуры для ее роста
- Коммерческая недвижимость: жизнь продолжается

- Мероприятия в рамках ПМЭФ
- Экология и устойчивое развитие
- Итоги ПМЭФ для бизнеса
- Конференция по информационной безопасности
- Ежегодная премия «Твердые знаки»

наследие

Прикоснуться к истории

Известные на весь мир петербургские памятники архитектуры украшают город, но основной облик центра Северной столицы создают многочисленные исторические здания, не относящиеся к разряду памятников. В том, почему восстановление исторических объектов по-прежнему остается точечным и редким явлением, разбиралась Александра Тен.

— памятники —

Рекомендации по реставрации объектов, квалифицированных как памятник, содержатся в «Своде реставрационных правил», разработанном Министерством культуры РФ. Юридические нюансы касаются прежде всего типов работ, которые могут проводиться, и категорий охраняемых объектов (выделяемых по критерию «статус объекта»).

Категории ценности

Как рассказал «Ъ-СПб» основатель юридического партнерства «Мелешко Консалтинг», юрист по недвижимости Антон Мелешко, к первой категории относятся здания, сами по себе не являющиеся памятниками, но находящиеся в зоне исторической застройки. При реставрации, а также переустройстве и перепланировке такого здания (если меняется внешний вид, например, при замене оконных рам, устройстве проемов, их сужении или расширении, устройстве новых окон) все изменения внешнего вида нужно согласовывать с уполномоченным органом по охране памятников, помимо обычного архитектурного согласования.

Вторую категорию составляют здания-памятники, у которых ценность имеет только фасад, то есть только он описан в числе охраняемых элементов. С такими зданиями дела обстоят чуть сложнее: проектной документацией и экспертизой перепланировки или переустройства должны заниматься организации, имеющие лицензию Минкультуры. Третья категория — здания-памятники, внутри которых есть охраняемые объекты. В этом случае нужно пройти те же этапы согласования перепланировки или переустройства, описанные выше, но иметь в виду, что все охраняемые элементы объекта культурного наследия должны быть сохранены в первоначальном виде: во время ремонта необходимо укрыть или иным образом обеспечить сохранность, например, лепнины на потолке, и только в случае реставрации или консервации к ним можно вообще прикасаться.

«В работе с охраняемыми элементами зданий-памятников есть важное правило: любое изменение может производить только подрядчик с лицензией Министерства культуры силами специалистов, обученных для подобных работ. Самый главный риск при любых манипуляциях с такими объектами — это уголовная ответственность за порчу или уничтожение объектов культурного наследия», — поясняет господин Мелешко.

Сложный девелопмент

Эдуард Тиктинский, президент RBI, напоминает, что не стоит путать реставрацию с реконструкцией. В последнем случае подразумевается необходимость замены и усиления значительной части конструктива. «В случае с Левашовским хлебозаводом (образец конструктивизма 1930-х годов на Барочной улице, приспособленный RBI под культурно-деловое пространство.— «Ъ-СПб») это касалось 15% конструкций здания А иногда речь может идти и о пересадке всего сооружения на новое свайное основание, как это было с водонапорной башней на Пискаревском», — рассказывает господин Тиктинский.

Опытом по восстановлению дореволюционного здания для железно-

Все компании, имеющие опыт реконструкции и реставрации исторических объектов или памятников, отмечают невозможность заранее просчитать объем необходимых вложений

дорожных работников на Обводном канале, 118А, лит. Б (здание 1864 года постройки), делится Василий Тимофеев, генеральный директор строительной компании City Solutions: «До полной расчистки здания невозможно даже выполнить достоверные замеры и, как следствие, подготовить окончательную планировку. Поэтому сроки реконструкции непредсказуемы». Старые здания часто перестраивались, и это не всегда отражено в документах. «Например, пока мы не демонтировали полы, мы не знали, какие там крепления, какие балки, в каком состоянии гнезда. Или после того, как мы сняли обои, выяснилось, что в стене много дыр и балку не опереть. Сроки и стоимость работ для таких зданий нужно оценивать ниже, чем для памятников с их высочайшими требованиями, но выше, чем для случаев „снести и построить“», — добавляет эксперт.

История не внутри, а снаружи

Господин Тимофеев обращает внимание, что реставрация исторических зданий значительно отличается от реставрации памятников. «Во втором случае жесткие регламенты позволяют проводить ее пусть по сложным, но понятным правилам», — замечает руководитель City Solutions.— Огромный опыт, прошедшие общественные дискуссии с участием всех сторон, от градозащитников до застройщиков, сформировали в городе определенные требования и подходы».

Но на самом деле, по мнению господина Тимофеева, облик центра Петербурга формируют не памятники, которые заметны и известны. «Они скорее как украшение в гардеробе прекрасной дамы,— проводит аналогию эксперт.— Основу же составляет огромный массив, называемый „историческими зданиями“». Так как историческое здание не является памятником, то разрешительная документация оформляется аналогично новостройке на периферии. То есть необходимо учитывать процент озеленения, парковочные места, инсоляцию — все это необходимо выполнить по тем же правилам,

как это было бы с новым зданием. «Но если в отношении памятников могут быть допущены послабления, то большинство проектов реконструкции исторических зданий можно реализовать только с уменьшением ТЭП (технико-экономических показателей), что делает процесс инвестирования невозможным,— сетует господин Тимофеев.— Добавив к этому сложности, связанные с влиянием на соседние здания, в том числе памятники, мы фактически получаем застой».

Непредсказуемые затраты

Все компании, имеющие опыт реконструкции и реставрации исторических объектов или памятников, отмечают невозможность заранее просчитать объем необходимых вложений, объясняет господин Тиктинский: «Приспособление памятников под современное использование сопровождается различными рисками, длительными сроками выполнения работ. Трудно даже прогнозировать объем работ, оценить состояние здание. Многие детали выясняются уже в процессе».

«Точный расчет бюджета невозможен, так как цены на материалы растут, а надобность в дополнительных работах может возникнуть в середине реконструкции,— соглашается с коллегами Ольга Рябинина, основатель дизайн-бюро Olga Riabinina.— Некоторые инвесторы приобретают подсобного рода памятники на торгах, а затем не могут приступить к реализации своих идей, так как оценка состояния дома достигла критической отметки (к примеру, совсем сгнили деревянные перекрытия, которые в советское время не успели заменить на железобетонные)».

Екатерина Аридова, генеральный директор Nikoliars в Санкт-Петербурге, делится наблюдениями, что инвесторы, берущиеся за приспособление существующего здания под коммерческое использование, в первую очередь исходят из предполагаемого коммерческого эффекта. «Но реконструкция и реконцепция исторических объектов — это всегда затратная история: здания нередко находятся в полуразрушенном состоянии, их восстановление требует ощутимых инвестиций, и далеко не каждый ин-

вестор может себе это позволить», — признает эксперт.

Инженерная невозможность

«Как ни странно, больше всего проблем доставляет работа с естественными монополиями, это тарифы и сроки подключения электроснабжения, водоснабжения, газа,— высказывает другое мнение Дмитрий Гачко, основатель ГК Tglobal.com, сооснователь и инвестор культурного пространства «Третье место» (бывший особняк Э. Д. Нарышкина на Литейном проспекте, построенный в середине XIX века.— «Ъ-СПб»).— Все процедуры непрозрачны, а сроки резиновые». По сравнению с монополистами взаимодействие с КГИОП вполне конструктивное, особенно если собственник хочет сохранить и реставрировать, а не просто снести, чтобы построить новое, считает господин Гачко.

Опрошенные игроки разных сфер бизнеса единодушно во мнении, что реставрация и реконструкция исторических зданий и памятников культурного наследия — редкое явление для Петербурга, носящее точечный характер. Ежегодно усилиями властей реставрируется несколько объектов, а на средства частных инвесторов таких проектов — и вовсе единицы в год.

Госпожа Рябинина считает, что количество старинных зданий, приспособленных под жилую функцию, увеличится, если КГИОП сделает более лояльные условия для инвесторов. Это даст новый виток спроса на жилье в историческом центре города. «Возможно, наконец-то тогда старый фонд не будет уступать в цене за квадратный метр некоторым новостройкам в спальных районах города», — выражает надежду дизайнер.

Сооснователь пространства «Третье место» приводит в пример Калининградскую область, где реализовали программу поддержки компаний, развивающих памятники архитектуры, с льготными условиями по кредитованию таких инвестпроектов. «Было бы здорово, если бы Санкт-Петербург перенял этот опыт,— говорит господин Гачко.— Налоги на недвижимость в Петербурге небольшие, и было бы здорово получить послабления в виде их снижения для памятников архитектуры, инвесторы которых несут существенную дополнительную финансовую нагрузку в виде обременений».

Бюджетный вариант

— реставрация —

По мнению экспертов, из-за нехватки бюджетных средств городские программы сохранения исторических объектов недостаточно эффективны. Необходимо их совершенствовать, а также активнее привлекать к восстановлению памятников бизнес.

В 2023 году комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП) по подпрограмме «Наследие» потратит на работы по сохранению объектов культурного наследия (ОКН) 1,8 млрд рублей. В соответствии с принятым трехгодичным бюджетным планом в 2024-м на эти цели предполагается израсходовать 2,1 млрд рублей, а в 2025-м — 2,4 млрд. Таким образом, в течение трех лет общий объем выделенных средств на сохранение ОКН составит более 6,2 млрд рублей.

В рамках другой крупной городской программы «Реставрация фасадов объектов культурного наследия — многоквартирных домов» — на работы в 2023 году бюджетом Смольного выделено 1,7 млрд рублей, в 2024 и 2025 годах запланировано потратить по 2,7 млрд.

Среди знаковых исторических объектов, реставрация которых началась в этом году, в КГИОП выделят Московские триумфальные ворота. Предыдущие работы на объекте проводились двадцать лет назад — к 300-летию города. Общая сумма финансирования составляет 332,5 млн рублей. Также в этом году стартуют работы по реставрации секций ограды Сада памяти жертв расстрела 1905 года (сад 9-го Января). Будет проводиться реставрация фасадов здания дирекции императорских театров со стороны площади Островского.

Продолжаются в 2023-м и работы, начатые ранее. В частности, реставрация фасадов двора Юсуповых; ремонт и реставрация церкви Знамения в Пушкине; реставрация фасадов собора Петра и Павла, колокольни Николо-Богоявленского Морского собора. Планируется в этом году завершить работы по реставрации фасадов Владимирского собора в Кронштадте и интерьеров здания мечети на Кронверкском проспекте.

По программе реставрации фасадов ОКН — многоквартирных домов — в 2023 году продолжатся работы на 33 объектах, которые начались в прошлом году. Также планируется начать реставрацию фасадов еще на 11 исторических зданиях. Среди новых объектов программы — дом Екимова (Кирочная улица, 6), дом Кумовича (улица Некрасова, 46), дом Лулина (улица Чайковского, 61), дом Балкашиной (Пушкинская улица, 8), дом Кавоса (Большая Монетная

улица, 10) и дом, где жил композитор Лядов (улица Марата, 52).

Повысить эффективность

По мнению председателя Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) Антона Иванова, средств, которые выделяются городом на реставрацию, недостаточно для поддержания всех объектов. При этом, отмечает он, Смольным делаются шаги к повышению эффективности вложенных средств. «В частности, можно выделить переход на двухлетние контракты по реставрации. Это правильно, потому что в последнее время серьезной проблемой были однократные нарушения сроков подрядчику выполнить все. Кроме того, в Петербурге пару лет назад в программу КГИОП были переданы функции по ремонту наиболее сложных с архитектурно-художественной точки зрения фасадов многоквартирных жилых домов. Это тоже правильный шаг, поскольку именно отсутствие достоянного контроля со стороны органов охраны иногда приводило к тому, что реставрационные проводили фирмы, не обладающие достаточной квалификацией и компетенцией, что сказывалось на качестве выполняемых работ», — добавляет господин Иванов.

По словам заместителя директора Фонда содействия, восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге Андрея Мезилева, результативность проводимой городской политики по сохранению объектов культурного наследия, разумеется, существенна. Ежегодно в городские программы по сохранению наследия включаются новые ОКН, на большое количество объектов сейчас ведутся производственные работы — как на находящихся в государственной собственности, так и в жилых домах. «Важно понимать, что в перечень объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия на территории Петербурга входит 9034 объекта. Это чрезвычайно высокая цифра, которая несет под собой как большие обязательства, так и трудности, связанные с эффективной реализацией политики города по их сохранению. На мой взгляд, есть два наиболее острых момента, влияющих на эффективность реализации подобной политики: недостаточность бюджетов на мероприятия по сохранению объектов культурного наследия, а также то, что количество ОКН, нуждающихся в реставрации, существенно превосходит число квалифицированных специалистов, способных качественно ее выполнить», — указывает он.

Среди знаковых исторических объектов, реставрация которых началась в этом году, в КГИОП выделяют Московские триумфальные ворота

Коммерсантъ В лучших местах Петербурга

www.kommersant.ru

РЕСТОРАНЫ

«Кремль»	Выборгская наб., 55 (БЦ Gregory's Palace)
Ресторан-гостиница «Штакеншнейдер»	Миллионная ул., 10
«Шалыпин»	Тверская ул., 12/15
Таверна «Гролле»	Большой пр. В. О., 20
«Сказка Востока 1001 ночь»	Лесной пр., 48
Stroganoff Steak House	Конногвардейский б-р, 4
«Метаморфоз»	Литейный пр., 5/19
Бранч-бар FINCH	Некрасова ул., 14 Д
Ресторан русской кухни Siberika	Лейтенанта Шмидта наб., 43
Cafe Claret	Марата ул., 11
Marius	Марата ул., 11
Kontora	Орловская ул., 1

КАФЕ

Kroo cafe	Суворовский пр., 27 / 9-я Советская ул., 11
-----------	---

ГОСТИНИЦЫ

Отель «Индиго» Akyan Hotel	Чайковского ул., 17 Восстания ул., 19
----------------------------	--

«Гранд Отель Эмеральд»

M-hotel	Суворовский пр., 18 Садовая ул., 22 (вход с переулка Крылова, 2, со двора) Садовая ул., 22/2
Majestic Boutique Hotel Deluxe	
The Gamma Hotel	наб. Обводного кан., 130
Grani Aparthotel	Большая Зеленина ул., 24
Trezzini Palace Hotel	Университетская наб., 21
Welton Club Hotel & Apartments	Малая Разночинная ул., 11
Four Seasons Hotel Lion Palace	Вознесенский пр., 1
St. Petersburg Crowne Plaza	Лиговский пр., 61
St. Petersburg — Ligovsky	
Официальная гостиница «Эрмитаж»	Правды ул., 10
Отель Rozenshteyn Hotel&Spa	Розенштейна ул., 36
Author Boutique Hotel	Владимирский пр., 9
Airportcity Plaza	Стартовая ул., 6 А
St. Petersburg Арт-отель «Карелия»	Маршала Тухачевского ул., 27 А

«Гранд Отель Мойка 22»

наб. реки Мойки, 22	
Crownell Inn	Стремянная ул., 18 А
Стремянная»	
«Петр Отель»	Адмиралтейский пр., 8
«А1 Отель Санкт-Петербург»	Кирпичный пер., 3
Бутик-отель «Северный цветок»	Марата ул., 40
Отель «Братья Карамазовы»	Социалистическая ул., 11 АВ
Отель «Гельвеция»	Марата ул., 11
«НашОТЕЛЬ»	11 линия В. О., 50
MoLo	Вс. Вишневого ул., 2/12, К
Екатерина	Миллионная ул., 10

ИНТЕРЬЕРНЫЕ МАГАЗИНЫ

Салон «Сентябрь»	Каменноостровский пр., 19
------------------	---------------------------

БИЗНЕС-ЦЕНТРЫ

Gregory's Palace	Выборгская наб., 55
Gustaf	Средний пр. В. О., 36/40
Magnum	9-я линия В. О., 34
«Оскар»	наб. р. Фонтанки, 13 А

Деловой центр NEVKA

Гельсингфорсская ул., 3, к. 11 Д, вход с Выборгской наб., 45-47	
Коворкинг «Пушкин»	Торжковская ул., 5

АВТОСАЛОНЫ

Автомод «Пулково»	Пулковское ш., 14 А
Gregory's Cars	Выборгская наб., 55
Петровский на Софийской	Софийская ул., 87

АВИАКОМПАНИИ

ЦБА «Пулково-3» ГТК «Россия»	
------------------------------	--

РАЗНОЕ

Миграционный центр	Красного Текстильщика ул., 10/12
«Сапсан»	бизнес-класс

Узнайте подробную информацию о корпоративной подписке по телефону 8 800 600 0556 (звонок по России бесплатный) или электронной почте podpiska@kommersant.ru

наследие

Замысел Растрелли на новом уровне

В мае Совет по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга проведет научное обсуждение вопроса о строительстве колокольни Смольного собора. В XVIII веке проект разработал, но не осуществил до конца знаменитый архитектор Бартоломео Франческо Растрелли. В данный момент продолжается сбор сведений относительно перспектив и места возведения объекта, но, по мнению экспертов, на историческом пятне выполнить работы вряд ли получится.

— проект —

С инициативой завершения нереализованного проекта колокольни в 2020 году выступил Фонд содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге. До этого вопрос уже поднимался несколько раз. В 2010 году эти намерения совпали с планами «Газпрома» возвести на другом берегу Невы «Охта-центр». Однако дело ограничилось раскопками, в ходе которых сотрудники Института истории материальной культуры РАН обнаружили фундамент. В 2013-м о желании воплотить проект заявили группа компаний «Арсенал-недвижимость» и Русский клуб православных меценатов, но и в этот раз до реализации дело не дошло.

По замыслу Растрелли, колокольня должна была войти в число строений Смольного монастыря, история которого началась в 1748 году. Тогда императрица Елизавета Петровна приняла решение закончить свои дни в обители. Место под строительство выбрали с отсылкой к юности государыни. Свое детство она провела в небольшом Смольном дворце, который Петр I построил рядом со смоляным двором, обеспечивавшим смолой судостроительные верфи.

По задумке архитектора, монастырь представлял собой ансамбль из главного собора, каре с кельями и 170-метровой колокольни, включавшей пять ярусов. Он строился поэтапно: сначала жилые корпуса и угловые церкви, затем — собор и монастырская ограда, колокольня должна была стать логическим завершением всего проекта. Поэтому если храм и каре успели выстроить, то колокольню довели лишь до уровня второго яруса.

Причиной остановки работ, по словам экспертов, стала Семилетняя

война, а также проблема с поиском мастеров, которые могли бы отлить колокол. Императрица пожелала сделать его масштабным — весом 12 тыс. пудов и диаметром 6,5 м. Отливку планировали произвести прямо на фундаментах возводившейся колокольни, чтобы затем поднять колокол на второй ярус и продолжить строительство. Но в 1761 году Елизавета Петровна умерла, и строительные работы больше не возобновлялись.

Интересно, что, если бы колокольню достроили, на тот момент она могла стать самым высоким сооружением Европы. Масштаб потенциальной градостроительной доминанты визуально можно было оценить в 2021 году на шоу дронов, когда тысяча летательных аппаратов выстроилась в композицию, представив колокольню в ее натуральную величину.

Около 70 лет храм и колокольня оставались недостроенными. После чего в конце 1820-х были выделены средства на завершение строительства собора. При этом нижний ярус колокольни, который временно использовался под спальный корпус, в 1830-х просто разобрали.

Вернулись к обсуждению завершения проекта Растрелли лишь около 15 лет назад. В данный момент инициативу курирует Фонд содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге, который в рамках ПМЭФ-2022 представил проект возведения колокольни на историческом пятне. Позднее здесь провели повторные археологические исследования. «Дело в том, что раскопки 2010 года не привели к юридическим последствиям: фундаменты не были поставлены под охрану в качестве выявленного объекта археологии. Теперь этот статус дал КГИОП: ведомство подготовило

По задумке архитектора, монастырь представлял собой ансамбль из главного собора, каре с кельями и 170-метровой колокольни, включавшей пять ярусов

соответствующее распоряжение. В нем колокольня обозначена как „недостроенная“. Помимо фундаментов колокольни, исследовали и новое место — ближе к площади Растрелли. Там обнаружили остатки утраченной ограды», — поясняет источник в Фонде содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге.

В целом, по словам эксперта, строительство колокольни на историческом пятне сейчас кажется малореальным. Главная причина в том, что для этого придется разобрать часть каре, а именно фрагменты, построенные по проекту архитектора Василия Стасова в 1820–1830-х годов. Кроме того, под фундаменты колокольни в XVIII веке забили около 10 тыс. свай. Их извлечение для создания нового фундамента приведет к деформации грунта и потенциальному повреждению Смольного собора и других примыкающих построек. Поэтому, с большой долей вероятности, найденные фундаменты будут музеефицируют, а для колокольни выберут другое место.

К перспективе ее строительства в городе сегодня относятся по-разному. Так, например, Александр Кононов, заместитель председателя общества защиты памятников «Старый Петербург», называет эту идею чрезвычайно вредной и опасной для

архитектурного и в целом культурного наследия города. «Колокольня не относится к творческим удачам архитектора, она не гармонична. Проект столь несоразмерно высокого сооружения был разработан исключительно по инициативе властей. Колокольня не была построена даже на четверть, и от ее возведения отказались. Растрелли реализовал другой вариант Смольного собора, что хорошо видно на макете варианта с колокольней в музее Академии художеств. Уникальный ансамбль монастыря развивался и дошел до нашего времени как ансамбль без колокольни. Сегодня это — памятник, то есть подлинное и неизменное единство построек XVIII–XIX веков», — отмечает он.

Эксперт добавляет, что за прошедшие 250 лет в Северной столице были осуществлены совершенно иной градостроительный замысел, учтивший исторические высоты без колокольни. Именно такой Петербург стал объектом всемирного наследия. Поэтому идея возведения колокольни не имеет под собой научного и культурного обоснования и к тому же противоречит действующему законодательству об охране памятников.

По словам Михаила Мамошина, генерального директора «Архитектурной мастерской Мамошина», вице-президента Санкт-Петербургского союза архитекторов, строительство колокольни является не созданием нового архитектурного объекта, а завершением ансамбля

Растрелли. «Смольный монастырь — не только одно из наиболее важных и крупных произведений эпохи барокко в Петербурге, это выдающийся пример шпалерного барокко. Подобной техники строительства зданий не было нигде в мире», — поясняет он.

В Фонде содействия восстановлению объектов истории и культуры отмечают: факт, что строительство колокольни было именно прервано, а не сознательно остановлено, считается доказанным. Дополнительно эксперты сейчас ожидают чертежи из Польши, которые, вероятно, прольют свет на причины данного события. «Дело в том, что в 1776 году польский магнат — граф Игнаций Потоцкий — приобрел коллекцию (301 документ) чертежей, эскизов и рисунков Растрелли. Сейчас она хранится в Варшавской национальной библиотеке», — поясняют в Фонде.

Кроме того, по словам господина Мамошина, важно принимать во внимание, как строительство Колокольни может повлиять на панорамные виды исторического центра города, на его небесную линию. «С дальних точек обзора колокольня приобретает значение четко выраженного пространственного ориентира, обеспечивающего композиционную завершенность панорам. С ближних точек она также придает панорамам большую композиционную завершенность: оказывается в фокусе перспективы Суворовского проспекта, эффектно замыкает перспективу плохо оформленной

эспланады в конце Шпалерной улицы, а также „снимает“ однообразие пейзажа, видимого с пересечения Шпалерной и Потемкинской улиц», — поясняет он.

Как отмечает Татьяна Славина, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук, если изучить исторические исследования застройки территории, прилегающей к Смольному монастырю, можно сделать вывод, что в дореволюционный период она складывалась стихийно. Серьезной градостроительной акцией стала лишь организация площади перед монастырем по проекту Василия Стасова.

В советское время работы в этом районе коренным образом изменили историческую градостроительную ситуацию. Здесь сложилась застройка с характерными ленинградскими чертами: крупным масштабом, монументальными формами, широкими пространствами и ровными протяженными линиями фасадов. Доминирующее положение Смольного собора в основном игнорировалось.

«Все это привело к тому, что сегодня исторические панорамы Смольного монастыря и перспектива Шпалерной улицы неоправданно искажены разновременной и разностильной крупногабаритной застройкой, не сложившейся в композиционно целостный архитектурно-градостроительный ансамбль. Исправить ситуацию может повышение роли Смольного монастыря в иерархии градостроительной системы Петербурга», — полагает госпожа Славина.

Пока наиболее вероятным местом для него с технической точки зрения считается площадь Растрелли. По словам экспертов Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры, там нет важных сетей и фундаментов. Юридически же для инициаторов сейчас важно, чтобы Петербург сохранил свое место в перечне объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Аналогично тому, как в 2005 году организация не сняла с охраны Казанский кремль после строительства на его территории мечети «Кул-Шариф». По завершении сбора исторических материалов вопрос о колокольне будет вынесен на обсуждение Совета по сохранению культурного наследия, который должен состояться в конце мая.

Антонина Егорова

Бизнес с человеческим лицом

— благотворительность —

Продолжая традиции российской благотворительности, нынешние меценаты заметно расширили ее форматы. Оказывая поддержку проектам в сфере культуры и искусства, представители современной бизнес-элиты привлекают к себе внимание властей, укрепляют свой имидж как компаний, не чуждых всему прекрасному, и повышают лояльность клиентов за счет создания образа бизнеса с человеческим лицом.

Среди крупного бизнеса сегодня наиболее распространены благотворительность и спонсорство. В широком смысле поддержка бизнесом культурных проектов часто именуются благотворительностью, что не всегда корректно. «Благотворительность регулируется 135-ФЗ „О благотворительной деятельности“ и означает без-

возмездную финансовую или иную помощь, в то время как спонсорство подпадает под 38-ФЗ „О рекламе“ и предполагает оказание рекламных услуг в обмен на денежные средства», — вносит ясность в понятия Анастасия Опанасенко, менеджер проектов по устойчивому развитию Школы управления «Сколково».

Традиции и классика

Традиционная благотворительность происходит из представлений о корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса, в ряде случаев — является следствием личных отношений топ-менеджеров компаний и директоров культурных организаций, продолжает госпожа Опанасенко. Классическое спонсорство — это логотип компании на фишке выставки. «При этом в последние годы ситуация меняется, возникает запрос на более содержательные интегра-

ции», — отмечает она. — Логотипы и упоминания — крайне малоэффективные форматы имиджевой рекламы с точки зрения бизнеса. В сложных экономических условиях все острее встает необходимость обосновывать рекламные бюджеты. Фокус постепенно смещается на различные творческие коллаборации, совместные проекты и продюсирование собственного контента».

Новая реальность

Специфика в сфере благотворительности меняется, как и сам подход к ней, соглашается Ольга Звагольская, основатель культурного пространства «Третье место», руководитель инсорсинговых направлений ГК Tglobal.com. В качестве примера такого нестандартного формата госпожа Звагольская приводит проект «Возвращение шедевров» от Third Place NFT, созданный на базе культурного пространства «Третье

место». Цель проекта заключается в возвращении на историческую родину предметов искусства, которые были проданы за копейки в начале XX века. «Чтобы восстановить эту несправедливость и собрать довольно крупную сумму для выкупа работ, мы запустили блокчейн-платформу с моделью совместного владения. Каждую картину мы разделяем на некоторое количество частей, и продаем эти части в виде NFT-токенов (от англ. non-fungible — «невозмозаменяемый»). — «Б-СПб», — рассказывает госпожа Звагольская. — Как только собирается нужная сумма для выкупа, мы возвращаем картину в Россию и выставляем в общественных пространствах. Владельцы NFT получают привилегии в виде особого доступа к объекту искусства».

По словам госпожи Звагольской, сейчас организаторы Third Place NFT ведут переговоры с Агентством стра-

тегических инициатив (АСИ), чтобы вывести его на федеральный уровень.

Софья Борборис, арт-директор Borboris Design, сообщила «Б-СПб» о своем проекте по созданию шрифта для людей, страдающих дислексией (дислексия — отличающийся от обычного способ мышления, при котором человеку сложнее читать и вообще долгое время концентрироваться на чем-либо. — «Б-СПб»). Поначалу проектом интересовался Эрмитаж, но в итоге права на использование авторского шрифта приобрела компания «Честный знак» — национальная система цифровой маркировки.

Дислексия — это особенность потребления человеком окружающей его информации. Мозг у дислексиков можно назвать более творческим, и чтобы его контролировать — заставить, например, запоминать то, что прочитал, или просто читать, то есть непрерывно следовать глаза-

ми по линии текста, — такому мозгу нужны особые условия. Очень часто родители путают этот синдром с элементарной неусидчивостью и ругают детей, хотя существуют научные критерии для определения дислексии. «В „Честном знаке“ увидели в проекте потенциал, и вместе мы создали усовершенствованную рабочую версию шрифта, — описывает проект госпожа Борборис. — Думаю, что „Честному знаку“ он нужен, чтобы ввести в России культуру заботы о людях с дислексией».

Искусство требует

О причинах стремления бизнеса в искусство рассуждает госпожа Опанасенко. По ее словам, исследования показывают, что ассоциация с искусством повышает потребительскую оценку продукта или бренда, что напрямую влияет на готовность потребителя платить больше.

ВЕСТИ

с «Коммерсантом»
www.kommersant.ru/regions/78

ПОСТОЯННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ САЙТА

ТОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ И ГЛУБОКИЙ АНАЛИЗ

ОБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ФАКТАМ, КОМПЕТЕНТНОСТЬ И БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ

ОДНО ИЗ САМЫХ АВТОРИТЕТНЫХ И ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПРИНИМАЮЩИХ РЕШЕНИЯ

РЕКЛАМА «16»

Коммерсантъ.ru
санкт-петербург

ЧИТАЙТЕ НАС НА САЙТЕ

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА НАШ КАНАЛ В TELEGRAM

наследие

Бизнес с человеческим лицом

— благотворительность —

«15» Явление получило название инфузионной теории (art infusion theory). Это объясняет, в частности, популярность коллабораций с музеями и другими арт-организациями среди люксовых брендов», — объясняет менеджер по устойчивому развитию Школы управления «Сколково».

Но не все культурные организации с энтузиазмом воспринимают подобный запрос. Кого-то пугает возможная «коммерциализация» искусства, кто-то готов к экспериментам, но слабо представляет, как бизнес может быть органично интегрирован в культурную сферу. «При этом органичность здесь крайне важна», — обращает внимание господина Опанасенко. — Интеграции должны быть аккуратными, не выглядеть инородно, а скорее дополнять посетительский опыт». Соответствующим примером из музейной сферы являются выставки, проходящие при поддержке «Сбера»: «Итальянский футуризм» в Русском музее, «Мечты о свободе» в Третьяковской галерее.

Крупным культурным институциям проще найти партнеров из числа крупного бизнеса, констатирует Анастасия Опанасенко, так как в данном случае работает принцип соразмерности: «Эрмитаж или Мариинский театр воспринимаются как своего рода „знак качества“. Для крупных компаний партнерство с ними означает, помимо прочего, возможность провести закрытое мероприятие для своих VIP-клиентов, получить билеты на премьеру». Крупные культурные проекты также привлекают к компании внимание государственных организаций и местных администраций, заключает госпожа Опанасенко. Поддержка культуры и искусства является для крупного бизнеса одним из эффективных инструментов GR, особенно в регионах.

Культурный бизнес

Римма Бичурина, руководитель проекта «+1Люди», связывает причины участия бизнеса в культурных проектах с амбициями собственников бизнеса. «Когда человек создал бизнес по своему усмотрению, сформировал определенную культуру отношений внутри компании и с внешними клиентами, добился

Традиционная благотворительность происходит из представлений о корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса, в ряде случаев — является следствием личных отношений топ-менеджеров компаний и директоров культурных организаций

успеха в своей сфере и внес вклад в развитие рынка, логическим продолжением в этой цепочке становится то, что такой человек хочет реализовать и с социальной точки зрения», — объясняет госпожа Бичурина. — Занимаясь благотворительностью, бизнесмен дает послы о том, что в какой-то степени он меняет мир и жизнь людей».

Президент RBI Эдуард Тиктинский предлагает разделять благотворительность как персональный человеческий порыв и корпоративные некоммерческие проекты. У корпоративных проектов свои критерии отбора: они так или иначе продолжают философию компании, поддерживают бизнес в идеологическом плане и раскрывают его с новой стороны для максимально широкой аудитории. Проекты, которые поддерживает сама компания, на первый взгляд, очень разные: большой классический концерт в Морском соборе в Кронштадте, Dovlatov Day на улице Рубинштейна, проект «Метаморфо-

зы» в БДТ, Фестиваль науки в СПбГУ. По мнению господина Тиктинского, идеологическое совпадение является первичным условием, потому что не существует абстрактного стремления бизнеса вложить деньги в «какой-то» благотворительный проект: «Должна быть синергия, взаимовыгодное партнерство. Тогда есть эффект не только для бизнеса и самого культурного проекта, но и для общества в целом».

Причинять добро

Вице-президент Ленинградской областной торгово-промышленной палаты (ЛОТПП) Елена Дюкарева выражает обеспокоенность, что после пандемии и в текущей экономической реальности благотворительные организации острее почувствуют дефицит источников финансирования. Однако это не значит, что благотворительность канет в Лету, выражает надежду госпожа Дюкарева.

«История меценатства и культурные традиции в России особенно крепки. Крупные компании уже привыкли работать в повестке корпоративной социальной ответственности, и для бизнеса благотворительность — не только зов сердца, но и расчет, не просто модный тренд, а необходимость. Ведь инвесторы активно интересуются этими показателями. Да и возможность продвинуть свои товары и услуги с

помощью социальных проектов — не пустой звук, а растущий тренд маркетинга», — дает оценку вице-президент ЛОТПП.

С благотворительностью в сфере культуры и искусства всегда было сложно, продолжает госпожа Дюкарева. Намного проще собирать частные пожертвования на лечение или восстановление людей с ограниченными возможностями здоровья, чем средства на организацию музыкальных фестивалей или других культурных мероприятий. «Но я наблюдаю интерес меценатов к историческим проектам. Таким, как восстановление памятников архитектуры, например, старинных русских усадеб. Я и сама поддерживаю один из таких проектов — восстановление старинной усадьбы-дома купца Поздынина в Вологодской области», — поделилась Елена Дюкарева.

При выборе благотворительного проекта вице-президент ЛОТПП советует обращать внимание на его связь со сферой деятельности компании: «Чтобы грамотно вписать его в общую миссию и стратегию компании, заниматься благотворительностью следует, не хаотично причиняя добро, а с использованием ценностей и преимуществ своего бренда. Так, помимо доброго дела, можно получить еще и грамотное продвижение своего продукта».

Александра Тен

Магнит для туристов

— точки притяжения —

«13» Собеседники издания констатируют, что Петербург в первую очередь привлекает своими известными уже столетия достопримечательностями и ассоциируется именно с ними. «Это Эрмитаж, который сегодня занимается шестую строчку по посещаемости среди всех музеев мира. Невский проспект, стрелка Васильевского острова, роstralные колонны, Медный всадник и многие другие объекты», — перечисляет Андрей Максимов, председатель комиссии ОП РФ по территориальному развитию и местному самоуправлению.

Вместе с тем в последние годы в городе появилось как минимум несколько десятков новых больших и малых точек притяжения, и их развитие происходит в русле мировых трендов. «Заслуженной популярностью пользуется Новая Голландия, которая для многих давно не бывших в Петербурге туристов, предстанет новым общественным пространством с интересной концепцией ресторанов разной кухни, расположенных в одном здании, и восхитительной атмосферой чудесного маленького острова», — говорит директор программ, профессор кафедры менеджмента РАНХиГС Санкт-Петербурга, доктор экономических наук Марина Морозова.

На Васильевском острове новой точкой притяжения стал «Культурный квартал Брунницына», в котором в хорошую погоду можно полюбоваться водной гладью, удобно расположившись в кресле-гамаке, посетить арт-галерею и мультимедийное пространство или перекусить в стилизованных кафе. «Васильевский остров, помимо полюбавшегося „Севкабель Порта“, стал домом для еще одного нового культурного пространства — „Сада Меншикова“, на территории которого проходят концерты и фестивали», — продолжает госпожа Морозова.

Еще одним знаковым местом Петербурга, которое по праву стало новой аттракцией, является внутреннее пространство Гостиного двора, где находятся фуд-корт, зона отдыха, концертная площадка. Также среди новых объектов можно назвать территорию, примыкающую к станции метро «Зенит», где зимой располагается каток на берегу Финского залива. В теплое время года это пространство преобразуется в спортивно-досуговую и рекреационную зону.

«В будущем новой достопримечательностью станет „Лакта-центр“ с обзорной площадкой и территорией у воды, которые будут частью системы общественных пространств, формируемых в настоящее время на стрелке Крестовского острова и в реконструируемом парке 300-летия Санкт-Петербурга», — добавляет господин Кокорев. Потенциально интересным обещает стать новый парк у «СКА Арены». «Из пригородов необходимо вы-

делять проект „Остров фортов“, который объединит новые общественные пространства у залива, современный музей, исторические форты и другие объекты притяжения туристических потоков», — замечает он.

Помимо культурных объектов, еще одним трендом последних двух лет можно назвать запуск проектов, где основной функцией является гастрономическая. «Под современные фуд-холлы были перестроены бывшие Московский и Василеостровский рынки, на Петроградской стороне появились Balagan, а в здании бывшего Варшавского вокзала заработал крупнейший фуд-холл в России — Vokzal 1853 общей площадью 34 тыс. кв. м, где наряду с ритейл-зоной предусмотрена большая киноконцертная площадка. Сегмент фуд-холлов уверенно вошел в ряд с другими общественными пространствами, став такой же точкой притяжения для жителей и гостей города», — рассказывает госпожа Аридова.

Пространство для горожан

Положительной стороной появления новых культурных и общественных пространств города является то, что ими могут пользоваться не только туристы, но горожане. «Франь между объектами, ориентированными исключительно на туристов либо на местных жителей, в настоящее время стирается», — замечает ведущий аналитик консалтингового бюро Atlas Александра Тарханова. По ее словам, многофункциональные пространства, работающие на обе аудитории, — более устойчивый вариант с точки зрения экономических эффектов. «Они не так сильно зависят от пиков туристического сезона, как традиционные достопримечательности. Кроме того, они могут даже „перезапустить“ неблагополучный район города», — считает эксперт.

Нельзя не отметить, впрочем, что создание новых точек притяжения и увеличение числа туристических объектов может «сбить» привычный ритм жизни горожан, нарушив уклад, к которому они привыкли. «В этом смысле все в нашем мире относительно. Конечно, дополнительные возможности, которые получают горожане от роста туристической привлекательности, разбавляются ложкой дегтя в этой бочке меда, о чем тоже нельзя забывать», — замечает господин Максимов.

Господин Швец, в свою очередь, полагает, что новые объекты хороши с любой точки зрения. «Но только если они не разрушают архитектурную целостность города и не вредят экологии. Нужно думать и о покое местных жителей», — подчеркивает он.

По мнению госпожи Морозовой, в случае с последними появившимися пространствами и достопримечательностями возможные отрицательные последствия учтены на этапе планирования и правильного выбора места.

Марина Ковалева

Туристические объекты создают рабочие места в сфере туризма, гостиничном и ресторанном бизнесе, индустрии развлечений

Бюджетный вариант

— реставрация памятников —

«14» Наглядным примером удачной и качественной реставрации исторических объектов за счет бюджетных средств города, добавляет господин Мезилев, может служить комплексная реставрация церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой. Несмотря на то, что объекты на работе еще продолжают, уже можно говорить о качестве выполненных работ по восстановлению церкви, а также о том, насколько проводимые работы влияют на преображение всего района. Кроме того, ведутся важнейшие, с точки зрения сохранения культурного наследия работы по реставрации Феодоровского городка в Пушкине и Гатчинского дворца. Еще один пример удачных и качественно выполненных работ — завершенная в 2022 году комплексная реставрация интерьеров Смольного собора, кото-

рая осуществлялась за счет бюджетных средств Петербурга.

Комплексный подход

Эксперты полагают, что законодательное регулирование сферы реставрации исторических объектов необходимо продолжать совершенствовать, запускать новые механизмы и возможности для сохранения объектов наследия. В том числе, считают они, необходимо активнее привлекать к восстановлению памятников бизнес. В настоящее время в городе уже действует программа «Рубль за метр», но у предпринимателей она не особенно популярна. Первый объект программы «Особняк-контора и здание библиотеки лесопильного производства Ф. Я. и Н. Я. Колобовых» был сдан в 2020 году. Второй — «Александровские ворота Охтинских пороховых заводов» — в 2022-м. По мнению специ-

алистов, программа должна быть более гибкой, включать в себя большее количество исторических объектов с возможностью их передачи не только в аренду, но и в собственность.

«В реставрационной программе важна расстановка акцентов. Важно уйти от размазывания к комплексному подходу при реставрации. В случаях, когда по тем или иным причинам реставрация объекта невозможна в ближайшем будущем, должна быть отдельная программа по консервации, которая предусматривает противоаварийные и консервационные работы, чтобы сохранить памятник для последующей реставрации. Когда объект не законсервирован, то это в дальнейшем сказывается на удорожании реставрационных работ, поэтому консервационная программа направлена в первую очередь на сбережение бюджетных средств в будущем», — считает господин Иванов.

По его словам, наглядный пример необходимости срочной реставрации — дача Фаберже. Здание уже многие годы разрушается, и пока что не видно никакого положительного решения. «Здание Конюшенного ведомства — абсолютнейший шедевр в центре Петербурга — также находится в плачевном состоянии. Другой пример — особняк Брунницыных, в котором сохранились уникальные интерьеры, но они разрушаются, так как у пользователя нет средств на проведение консервационных работ кровли. А также дача Месмахера в Шуваловском парке и много других объектов, по которым необходимо принятие срочных консервационных мер, чтобы не допустить их дальнейшего разрушения», — констатирует глава петербургского отделения ВООПИиК.

Артем Алданов

16+

реклама

kommersant.ru

Коммерсантъ

Санкт-Петербург

Подписка на газету:

■ на сайте kommersant.ru (раздел Подписка)

■ по телефону 8 800 600 0556 (бесплатно по РФ)